

СУД НАД СПАНДАРЯНОМ

Р. П. КАТАНЯН

(Москва)

В 1912 году департамент полиции нанес тяжелый удар по Российской социал-демократической рабочей партии.

Весной этого года были арестованы работавшие в России члены Центрального Комитета — Русское бюро ЦК, в апреле в Петербурге были арестованы товарищи Серго (Григорий Константинович Орджоникидзе) и Коба (Иосиф Виссарионович Сталин); в конце мая на железнодорожной станции Баку — товарищ Тимофей (Сурен Спандарович Спандарян), в первой половине июня в Петербурге на квартире родителей — товарищ Зельма (Елена Дмитриевна Стасова), только что приехавшая из Тифлиса.

Арестованные Серго, Коба и Тимофей входили в состав Русского Бюро ЦК, а Е. Д. Стасова была кандидатом в члены ЦК. В связи с этим провалом была арестована в Ростове-на-Дону студентка Швейцер Вера Лазаревна, являвшаяся связующим звеном между Стасовой и Петербургской, Ростовской и Одесской организациями РСДРП и переписывавшаяся с Надеждой Константиновной Крупской.

Несколькими днями раньше ареста Стасовой в Тифлисе были обысканы и арестованы две учительницы школы, которой заведовала Стасова, Арменуи Сумбатовна Овьян (в то время она была беспартийная) и Мария Петровна Вохмина — член партии, выполнявшая ряд серьезных поручений Стасовой по линии ЦК и Тифлисской организации.

В конце июля 1912 года в Тифлисе арестовали портного Хачатурянца Василия и наборщика Оганесянца Нерсеса Казаровича, организовавших нелегальную типографию.

Широкая операция по захвату верхушки партии и ее аппарата, последовательные аресты по единой линии — Русского Бюро ЦК и притом в различных пунктах России (Петербург, Ростов-на-Дону, Баку и Тифлис) показали, что эта операция была тщательно разработана департаментом полиции.

После неудачных попыток органов департамента полиции не допустить созыва Пражской конференции и сорвать ленинский план возрождения российской социал-демократической партии, охранное отделение решило взять реванш.

Несмотря на препятствия, рогатки, слежки и провокации, конференция в Праге все же состоялась, были приняты исторические резолюции по политическим и организационным вопросам, состоялись выборы Центрального Комитета.

В своих воспоминаниях Н. К. Крупская писала: «В Баку было созвано совещание. Оно лишь случайно не было арестовано, так как был арестован член совещания, видный бакинский работник Степан Шаумян и ряд других бакинских товарищей. Совещание было перенесено в Тифлис, там оно и прошло...».

Точно продолжая рассказ Н. К. Крупской, Е. Д. Стасова в своих воспоминаниях пишет: «В августе 1911 года Сурен Спандарян пришел ко мне в школу общества учительниц и стал убеждать меня взять на себя работу по подготовке общепартийной конференции, так как, по его словам, необходимо иметь организатора и секретаря, которых сейчас нет налицо. Я отговаривалась, так как не считала себя способной по состоянию здоровья взять на себя такую большую работу. Но товарищи настаивали. Я, скрепя сердце, согласилась.

В ближайшие дни после этого в Тифлис приехал Семен Шварц и еще один товарищ, насколько помню, из Одессы или Киева, с тем, чтобы: 1) сконструировать оргкомитет по созыву конференции и для объезда России; 2) выработать программу работы; 3) постановку издания листков и т. д.

С этой целью у меня на квартире, ввиду отсутствия моих хозяев, решено было устроить совещание, куда и пришли Сурен (Спандарян), Котэ Цинцадзе, Семен Шварц, киевлянин (одессит) и я.

На этом собрании были решены все вышепоименованные вопросы, причем в основу наших обсуждений была положена прокламация, которая напечатана в XV томе сочинений Ленина и которая была одним из вещественных доказательств в нашем процессе 2—3 мая 1913 года.

Для их формулировок Семен остался у меня ночевать, а затем он, Сурен и киевлянин уехали в объезд. Насколько я помню, Семен уехал на Урал, киевлянин — на юг, а Сурен — в Петербург, Север и Запад.

Конференция в Праге состоялась. Были вынесены исторические решения, опираясь на которые, рабочий класс победоносно пришел к 1917 году.

Недели через две по окончании конференции охранка располагала исчерпывающими сведениями обо всем, что делалось там.

Начальник Московского охранного отделения полковник Заварзин представил в департамент полиции полный список участников конференции и избранных членов ЦК с точным перечислением партийных кличек, фамилий и местностей, откуда они были делегированы, были указаны и клички, которые даны были им охранкой. Осталось нерасшифрованным только одно лицо. Охранка установила, что в числе кандидатов ЦК избрана некая Зельма, однако тут же упоминается, что неизвестно, «Зельма» это кличка или подлинное имя члена ЦК. Только примерно через 6 месяцев было установлено, что Зельма это Стасова Е. Д.

В конференции участвовали два квалифицированных провокатора — будущий депутат IV Государственной Думы Малиновский и Романов. Они представляли своим хозяевам в охранку подробнейшие доклады о конференции. Оба эти провокатора не знали друг друга и каждый из них не подозревал даже о присутствии на конференции второго провокатора.

Донесения провокаторов подвергались проверке путем сопоставления и лишь после проверки составлялся общий доклад.

В донесении полковника Заварзина упоминался еще и третий провокатор — Брендинский.

Благодаря бдительности членов Конференции Голощекина и Пятницкого, а также Н. К. Крупской, Брендинский был взят под серьезное подозрение. Он усиленно домогался узнать, где состоится конференция. Крупская сознательно сообщила ему неправильные сведения — Бретань, т. е. местность, весьма отдаленную от Праги и находящуюся во Франции.

После того как Брендинский лишен был возможности доносить охранке о конференции, жандармы прибегли к экстренным мерам. На конференцию, правда с запозданием, был направлен в качестве представителя московского профессионального союза металлистов Малиновский, в то время уже состоявший провокатором в Московском охранном отделении. Он принял участие в работах конференции, даже был избран в состав Центрального Комитета Партии.

Несмотря на то, что департаменту полиции был известен полный состав конференции и Центрального комитета партии, делегаты благополучно вернулись на места. Департамент полиции не торопился с их арестами и «ликвидацией» руководителей партии. Жандармы стремились выявить сначала актив партии и лишь после этого нанести удар.

Член Русского Бюро ЦК Спандарян по приезде в Баку должен был выступить с рядом докладов о конференции.

В справке бакинского жандармского управления о Спандаряне говорится о его выступлении в Балаханах следующее: «Спандарян особенно подробно остановился на организации Русского Центрального Комитета, членом которого в числе семи лиц был избран и он. Этот Русский Центральный Комитет получает первенствующее значение в России. Затем говорил о предстоящих выборах и необходимости участия в них». Речь шла о предстоящих выборах в IV Государственную Думу.

Вне сомнения, в числе лиц, присутствовавших на этом докладе, был нерасшифрованный провокатор, который докладывал жандармам содержание выступления Спандаряна.

Следующий доклад Спандаряна был назначен на 18 марта 1912 года. Доклад должен был состояться в предместье города Баку, в Балаханах. Но опять кто-то донес охране, которая решила пресечь дальнейшие выступления Спандаряна.

В день доклада Спандарян был арестован.

В жандармской справке о Спандаряне сказано: «после ареста Спандаряна 18 марта 1912 года он был также привлечен в числе других лиц при Бакинском губернском жандармском управлении к переписке в порядке охраны, за принадлежность его к местной организации РСДРП, но произведенной перепиской не было добыто данных, изобличающих его и других в принадлежности к вышеназванной организации, почему переписка была прекращена».

8 мая 1912 года Спандарян за прекращением переписки о нем, т. е. за прекращением дела, был освобожден из-под стражи. У него была взята подписка о выезде в г. Тифлис.

Такое действие жандармов было незаконным, так как губернским жандармским управлением не было дано права в отношении граждан, о которых дело («переписка») прекращено, обязывать покинуть данную местность и вдобавок выехать непременно в определенный жандармами город. Такое «обязательство» равносильно было высылке с прикреплением.

10 мая Спандарян выехал из Баку в Тифлис.

Не странно ли, что известный департаменту полиции член ЦК РСДРП, арестованный за доклад бакинским рабочим о Пражской конференции, освобождается из-под стражи за отсутствием достаточных данных и обязывается подпиской выехать в административный центр Кавказа — в Тифлис.

У одного из товарищей, близких к Спандаряну, возникло подозрение, что Спандарян высылается в Тифлис по особым соображениям охранного порядка, что тут налицо провокация со стороны охраны.

Последующие события показали, что освобождение Спандаряна было «военной хитростью» жандармерии и преследовало цель — собрать о нем дополнительные данные, углубить дело и засадить его под замок возможно крепче и навсегда.

Мало сохранилось документов, освещающих агентурную работу жандармов по Закавказью. Благодаря, в лучшем случае, халатности меньшевиков и их друзей по контрреволюции — дашнаков и эсеров, охранникам удалось в марте 1917 года уничтожить, а возможно и скрыть наиболее важные для истории революционного движения документы. Эти документы могли быть вещественными доказательствами для разоблачения преступлений самих жандармов.

После Февральской революции власть в Тифлисе находилась в руках меньшевиков, которые как будто забыли о Тифлисском губернском жандармском управлении и охранных отделениях. Меньшевистская власть оставалась лояльной к жандармам. Зато при поддержке дашнаков и эсеров она была занята грязной травлей большевиков и подготовкой контрреволюции. Меньшевики, дашнаки и эсеры «забыли» о жандармах и об имеющихся в их распоряжении документах. Впоследствии выяснилось, что совершенно исчез ряд документов о деятельности некоторых виднейших меньшевиков. Еще вопрос — случайно ли было исчезновение таких документов, или такие документы были сознательно уничтожены самими меньшевиками.

Один из старейших большевиков Закавказья, рабочий Асатур Кахоян в своих воспоминаниях писал, что сапожник Мартирос Хачикян, работая в феврале 1917 года в мастерской, находившейся против жандармского управления, рассказал ему, что днем и ночью жандармы беспрерывно выносили из управления большие узлы и пачки и с ними исчезали.

Лишь под большим нажимом большевиков меньшевики наложили арест на остатки жандармских архивов и арестовали начальника тифлисского губернского жандармского управления полковника Пастрюлина.

При допросах Пастрюлину было обещано освобождение и разрешение уехать куда ему будет угодно при условии, если он сообщит список работавших у него провокаторов. Пастрюлин назвал только четырех человек: 1) сотрудника газ. «Русское слово» Юрия Кобякова, так называемого прогрессиста, 2) Мкртича Машиняна (работавшего в охране под кличкой Шаварш), 3) Артемиоса (второй и третий состояли в партии «Гичак») и 4) рабочего Копалейшвили Володю, в 1923 году расстрелянного как провокатора. Этот Копалейшвили доносил на члена ЦК Сурена Спандаряна, С. Касьяна и других большевиков. Было наивно поверить, что число провокаторов ограничивалось этими четырьмя подлецами.

Полковник Пастрюлин возглавлял органы охранного отделения по всему Кавказу, провокаторов у него был целый легион. Пастрюлин скрыл весьма большое количество провокаторов и осведомителей. Он был уверен, что в ближайшем будущем вернется к своей работе и вновь будет действовать с укрытыми и нерасшифрованными им провокаторами.

Сохранилась лишь часть документов о деятельности находившихся в Тифлисе членов ЦК и только тех, дела о которых жандармы вынуждены были передать в распоряжение Тифлисской Судебной Палаты для процесса над Стасовой, Спандаряном и другими по обвинению по 1 части 102 ст. Уголовного Уложения 1903 года. Это та знаменитая 102 статья, по которой судили социал-демократов и на основании которой наших товарищей отправляли на каторгу.

Спандарян по приезде в Тифлис был взят под неусыпное наблюдение. Шпики следовали за ним неотступно, буквально по пятам. К этому прибавилась еще дополнительная слежка: о нем доносил один из соседей по дому, в котором проживал Спандарян, а именно, провокатор Кобяков. Таким образом, жандармы следили за Спандаряном и вне дома, и дома, знали, что он делал, так сказать, на людях и имели точные сведения о его образе жизни в домашней обстановке. Спандарян, конечно, не мог подозревать провокатора в Кобякове, но чувствовал что-то грязное и низкое в этом негодяе и говорил неоднократно с большой брезгливостью о нем.

Спандарян чувствовал, что он окружен кольцом жандармов. И он решил прорвать сыскную блокаду и спешно выехал из Тифлиса по направлению к Баку. Однако скрыться ему не удалось. На станции Баку он по требованию, вернее по заказу Тифлисского жандармского управления был арестован, доставлен в Тифлис и заключен в Метехский замок.

Бакинская охранка не могла бы его арестовать по своей инициативе. Он только проезжал через Баку, даже не заезжал в город. Баку официально прекратил его дело. Помимо этого бакинская охранка не могла знать, что Спандарян выехал из Тифлиса поездом № 6 и притом внезапно. Бакинской охранке о выезде Спандаряна стало известно только по сообщению из Тифлиса. В обвинительном акте по делу Стасовой, Спандаряна и др. было сказано: «по прибытии на эту станцию (Баку) из Тифлиса скорого поезда № 6, по указанию агентов бакинского охранного отделения, жандармом ст. Баку был арестован пассажир означенного поезда Сурен Спандарович Спандарян, известный тифлисскому губернскому жандармскому управлению как активный участник социал-демократической организации». Арест Спандаряна был произведен в результате продолжительных оперативных действий.

Петля, которой департамент полиции собирался удушить Центральный Комитет РСДРП и не допустить возрождения ленинской партии, была готова.

Охота началась. Пошли аресты, провокации и прочие жандармские приемы.

Сравнительно через короткое время после ареста Спандаряна в Тифлисе были арестованы две учительницы. У одной из них — Оввян Арменуи — была обнаружена в значительном количестве партийная переписка, в том числе письма Надежды Константиновны Крупской и Владимира Ильича Ленина.

У другой учительницы — Вохминой Марии Петровны — также была обнаружена партийная переписка и некоторое количество нелегальной литературы. А еще через некоторое время были арестованы в Ростове-на-Дону Швейцер Вера Лазаревна и в Петербурге — Стасова Елена Дмитриевна.

В руки жандармов попало большое количество партийной переписки и документов, что дало им возможность расширить свою расправу и вместе с тем часть арестованных предать суду.

Через полтора месяца в Тифлисе была раскрыта подпольная типография. Член националистической партии «Гнчак» провокатор Мкртич Машинян докладывал Тифлисскому жандармскому управлению о группе товарищей, устанавливавших подпольную типографию. Очевидно для «закругления» дела Центрального Комитета требовалась типография. И жандармы захватили подпольную типографию.

22 июля 1912 года были арестованы члены тифлисской с.-д. организации большевиков портной Василий Хачатурянц и наборщик Нерсес Оганесович Оганесянц, организаторы типографии. У Хачатурянца были обнаружены две шрифт-кассы, 1 пуд 29 фунтов русского и армянского шрифтов и ряд революционных изданий.

Операция закончилась. Началось следствие, началась серия учиненных жандармами подлогов.

Ими был взят курс на каторжные работы для значительной части привлеченных.

С У Д

2—3 мая 1913 года в г. Тифлисе состоялся суд над Стасовой, Вохминой, Оввян, Спандаряном, Верой Швейцер, Хачатурянцем и Оганесянцем. Всех их судила тифлисская судебная палата в так называемом «соборном присутствии». Это значило, что судить будут семь человек, из которых четверо судебных чиновников, так называемые коронные судьи, и трое сословных представителей — предводитель дворянства, городской голова или его заместитель и очередной старшина.

Члены судебной палаты, т. е. коронные судьи Ионин, Болдырев и Кулибин, были известные по Закавказью черносотенцы, загубившие не одного революционера. Председательствующий сенатор Богородский позволял себе иногда слегка полиберальничать.

Выступавший прокурор в начале заседания потребовал слушания дела при закрытых дверях на том основании, что в обвинительном акте «полностью или частично приводятся воззвания Российской социал-демократической партии», а также и потому, что в деле имеется ряд документов, оглашение которых не может быть допущено, и еще потому, что в некоторых документах имеются явно оскорбительные для царя выражения.

На это требование последовали юридически строго обоснованные возражения со стороны защитника Стасовой присяжного поверенного М. В. Беренштама.

Палата постановила двери заседания закрыть при чтении обвинительного акта, при оглашении приобщенных документов и на период прений сторон. В остальное время дело слушалось при открытых дверях.

Палата в согласии с соответствующей статьей Устава Уголовного судопроизводства при закрытии дверей заседания оставила в зале заседания по три человека ближайших родственников каждого из подсудимых по их заявлению. В зале суда, кроме действительных родственников, появились «крестный отец», который никогда не был таковым, заявившие о своем родстве двоюродные сестры, которые никогда до этого не были знакомы с подсудимыми, а Оганесянц заявил о допуске своей родственни-

цы — Билибниной, фамилию которой он вскоре позабыл. Среди этих так называемых родственников было и несколько членов партии, в их числе и С. Касьян.

На суде фигурировало в качестве свидетелей много полицейских, был также и начальник тифлисского губернского жандармского управления. Он должен был установить псевдоним товарища Сурена Спандаряна и доказать, что Нерусов, о котором много говорилось в обвинительном акте, был Спандарян.

Давая свои показания, полковник Пастрюлин был крайне осторожен, очевидно боясь не сказать чего-либо лишнего и тем провалить кого-либо из своих агентов.

Защита же из опасения, как бы не ухудшить положение подсудимых, не пожелала задавать полковнику Пастрюлину дополнительных вопросов.

С. С. СПАНДАРЯН

Одним из членов РОК (Российской организационной комиссии) по созыву Пражской конференции состоял Сурен Спандарович Спандарян.

Участники Пражской конференции в своем постановлении, давая оценку деятельности РОК'а, сочли необходимым включить в резолюцию пункт, в котором говорилось: «Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций без различия фракций и по воссозданию нашей партии, как общероссийской организации» (Ленин, т. 17, 4-е издание, стр. 414).

На самой конференции Спандарян играл активную роль, выступая с докладом о состоянии партийных дел в Тифлисе, а также в ряде городов Закавказья.

Он был выбран в состав Центрального Комитета и включен в Русское Бюро ЦК.

Об активности Спандаряна на конференции и о том, что он выбран в состав ЦК, департамент полиции прекрасно был осведомлен. Обо всем этом охранному отделению аккуратно доносил провокатор Роман Малиновский. И все же, несмотря на имевшиеся в распоряжении департамента полиции точные сведения, Спандаряну на суде не было предъявлено обвинение в принадлежности к Центральному Комитету РСДРП.

Причиной такой с первого взгляда странности является одно важное обстоятельство.

В распоряжении жандармского управления не имелось достаточно убедительных данных, могущих на суде подтвердить обвинение в принадлежности Спандаряна к Центральному Комитету. Правда, в распоряжении жандармского управления были агентурные доносы, но с одними этими сведениями выйти на суд было невозможно. Ведь существовала какая-то, хотя и жалкая, гласность, существовала адвокатура, которую нельзя было не допустить к участию в судоговорении и которая подвергала критике представленные суду доказательства виновности подсудимого.

Чем и как департамент полиции мог установить, что Спандарян состоял членом ЦК и членом Русского бюро ЦК? Не мог департамент полиции допустить вызова в суд в качестве свидетеля провокатора Малиновского, ибо тем самым официально было бы доказано, что департамент полиции пользуется провокаторами и что таким провокатором является партийный работник и вдобавок член Государственной Думы. Это был бы полнейший провал и департамента полиции, и Малиновского, и вместе с тем расшифровкой методов секретной работы департамента. Это был бы всеевропейский скандал.

Умолчание департамента полиции о принадлежности Спандаряна к Центральному Комитету вовсе не означало, что департамент предал забвению «вину» Спандаряна. Нет, это не забывалось и расправа со Спандаряном должна была последовать за ним в качестве дополнительной кары. Для этого в распоряжении жандармов имелось много возможностей. Так, охранка знала, что Спандарян был тяжело болен. Несмотря на это, Спандарян был загнан в столь отдаленные и столь суровые места, из которых ему была открыта прямая дорога в могилу.

Спандарян решил на суде вести уликовую борьбу и добиться, чтобы палата отвергла 102 статью.

Против Спандаряна было выдвинуто обвинение в принадлежности к тифлисской социал-демократической организации, а также в авторстве ряда писем и прокламаций социал-демократического содержания.

В числе обнаруженных у Арменуи Оввян документов находились черновики прокламаций и несколько оригиналов писем, которые жандармы приписали Спандаряну. В основу такого утверждения жандармы положили заключение своих экспертов-каллиграфов.

По обвинительному акту Спандаряну приписывалось авторство воззваний: а) За Партию, б) Да здравствует Первое мая!, а также авторство: а) Письма от имени Центрального Комитета РСДРП с извещением о конструировании сего последнего, б) письмо, в котором говорилось о необходимости высылки из Тифлиса в Петербург печати Центрального Комитета партии.

Спандарян категорически отвергал свое авторство указанных документов.

При вручении ему копии обвинительного акта он протестовал против незаконных действий жандармов, которые в стадии предварительного следствия скрыли от него документы, легшие в основание обвинения. По действовавшему тогда уставу уголовного судопроизводства (Уголовно-процессуальному кодексу) жандармы обязаны были ознакомить Спандаряна со всеми изобличающими его материалами, а также с имевшимися в деле заключениями экспертов-каллиграфов.

Об указанных выше документах Спандарян узнал лишь после вручения ему обвинительного акта. Другими словами, Спандарян лишился одного из способов защиты, а именно возможности опровергнуть заключение экспертов еще до передачи дела в суд.

Спандаряну приходилось на ходу обдумывать аргументации против допущенного жандармами беззакония. Спандарян лишь в стадии подготовки к суду попытался внести коррективы в следственные действия жандармов. Отрицая свое авторство воззваний и писем, Спандарян подал в судебную палату свои возражения, так называемый акт на обвинительный акт, в которых настаивал на проверке заключения экспертов, на вызове нескольких высококвалифицированных экспертов художников-каллиграфов.

Вместе с тем Спандарян в своих заявлениях указывал на несостоятельность приписывания ему авторства указанных выше писем. Несостоятельность такого утверждения,— писал в своем заявлении Спандарян,— устанавливалась датами и местом составления их. Письма, как видно из их текстов, были написаны в Петербурге и оттуда отправлялись адресатам как раз в то время, когда он, Спандарян, содержался в бакинской тюрьме. Невозможно было одновременно находиться в заключении в бакинской тюрьме и писать письма из Петербурга. Нахождение же Спандаряна в бакинской тюрьме устанавливалось официальными документами. Но ни жандармы, ни судьи не хотели посчитаться с географией и арифметикой. Для них было неважно, что Спандарян находился в бакинской тюрьме, а письма были написаны в Петербурге. Важно другое, удобное и выгодное высшему начальству заключение экспертов. Заключение экспертов было составлено в угоду охране. Небольшая беда, если и ошибочной будет экспертиза. Важно указать на кого-либо, даже не настоящего автора. Важно найти такого человека, которому можно было бы приписать авторство рукописи. Если автора нельзя найти, то надо выдумать такого.

Спандарян был фигурой, вполне подходящей для такой замены.

Палата, рассмотрев заявление Спандаряна, постановила вызвать в суд для дачи заключения трех прежних и двух новых экспертов,— итого пять человек.

Что касается указанных в заявлении незаконных действий жандармов, не выполнивших требования закона об ознакомлении подсудимого с имеющимися в деле материалами, то палата не обмолвилась ни словом. Этот вопрос был просто обойден молчанием.

Среди появившихся на суде пяти экспертов-каллиграфов был старик—учитель чистописания в приготовительном классе гимназии.

Почему этот беспомощный старичок был допущен к даче заключения? Откуда появился этот ничего не понимающий «знаток», на которого возложена дача авторитетного заключения?

Этот учитель приготовительного класса очень быстро и просто разрешил отводы и доводы Спандаряна. Он без зазрения совести признал, что предложенные на его заключение рукописи несомненно писаны рукой Спандаряна.

Впоследствии, уже после революции, когда миновала надобность что-либо скрывать или конспирировать, было установлено, что все приписанные Спандаряну воззвания, прокламации и письма были написаны Сталиным. Так, не утруждая себя серьезными доказательствами, работала охранка: попался Спандарян, надо отягчить степень его вины, свалить все на Спандаряна.

По обнаруженным у Оввян материалам было установлено, что у Спандаряна была деловая связь со Стасовой. Среди стасовских материалов оказалось письмо Спандаряна следующего содержания: «Дорогой друг! Прошу Вас все иностранные слова по возможности заменить истинно-русскими. Ведь рабочим это будет понятнее, затем, не находите ли Вы, что вся фраза о с.-д. фракции неудобна. Там сказано: для раскрепощения России... для освобождения пролетариата... нужна достойная...с.-д. фракция в 4-ой Думе. Получается несоответствие между колоссальностью задачи (освобождения и раскрепощения) и средством (парламентская фракция). А между тем я вовсе не хотел этого сказать и надеюсь и вы думаете так. Поэтому предлагаю на Ваше одобрение и согласие такую редакцию этой фразы: «для раскрепощения России и т. д. для освобождения пролетариата и т. д. крайне важно при политических условиях использование думской трибуны, а поэтому и в 4-й Государственной Думе иметь с.-д. фракцию, достойную наследницу и продолжательницу с.-д. фракции всех трех Государственных дум». Спандарян вносил в текст еще несколько мелких исправлений.

Спандарян не отрицал, что это обнаруженное у Стасовой письмо написано его рукой. Эта записка была единственной более или менее серьезной уликой против Спандаряна. Все остальное было натаскано и явно фальсифицировано жандармами всех рангов и чинов.

В переписке Ленина и Крупской со Стасовой несколько раз упоминалось имя Нерусова. Так, в письме Крупской читаем: привет Нерусову; в письме Ленина по вопросу о деньгах, принадлежавших большевикам и находившихся на хранении у Каутского и др., было сказано: «Найден французский адвокат, который берется за дело. Пусть Нерусов пришлет голос за судебный процесс, иначе крах полный и быстрый».

Вследствие доносов провокатора Малиновского департаменту полиции было известно, что под кличкой «Нерусов» скрывался Спандарян. Но, как было сказано выше, жандармы при гласном рассмотрении дела не могли сослаться на сообщение провокаторов. Это обстоятельство возможно было установить только свидетельскими показаниями. Таким свидетелем выступил сам начальник тифлисского жандармского управления Пастрюлин. Путем сопоставления ряда обстоятельств, а также утверждением, что если в слове «Нерусов» откинуть «ов» и оставшееся слово Нерус прочесть справа налево, то получится Сурен, а Спандарян носит имя Сурен, а значит речь идет о Спандаряне и не о каком другом Сурене.

И это — несмотря на то, что большое количество армян носит имя Сурен. Это распространенное армянское имя, как, скажем, русское имя Иван.

Полковник Пастрюлин мог спокойно болтать все, что ему было угодно, так как отлично знал политическую физиономию членов судебной палаты, слепо действовавших в угоду жандармам. Подлоги, жульничество, фальсификация, инсинуация и обман пускались в ход с целью создания ложных улик для формального обоснования каторжных приговоров, для беспощадной расправы с настоящими революционерами, готовившими великий переворот и ковавшими днем и ночью победу рабочего класса.

Спандарян обвинялся также в принадлежности к тифлисской организации РСДРП. Однако никаких к тому формальных доказательств не было.

Охранке необходимо было также создать связь между Спандаряном и Хачатурянцем Василием, обвинявшимся в содержании нелегальной типографии. И эта необходимая жандармам связь была создана путем наглого подлога.

В обвинительном акте сообщалось, что в числе вещей, отобранных у Хачатурянца, имелась фотокарточка Спандаряна. Из этого делался вывод о близких отношениях между Спандаряном и Хачатурянцем.

Спандарян Василию Хачатурянцу никакой карточки никогда не дарил. Об этой карточке ни разу не спрашивали и не предъявляли Спандаряну. Об этой карточке жандармы также хранили воровское молчание.

Об этой злосчастной карточке на допросе не спрашивали и Василия Хачатурянца, несмотря на то, что карточка была отобрадена у самого Хачатурянца. Об этой карточке Спандарян, так же как и Хачатурянц, узнал лишь после вручения обвинительного акта. Спандарян потребовал предъявления карточки и увидел изображение другого человека. Повторилась история с приписанными ему рукописями. Опять подлог! Опять наглое жульничество охранки!

В своем отзыве на обвинительный акт Спандарян категорически отвергал сходство с лицом, изображенным на карточке. Он просил вызвать владельца фотографии, который мог бы удостоверить, что на карточке изображен не Спандарян, а другое лицо. Вместе с тем Спандарян просил вызвать в качестве свидетелей художника Гарегина Левоняна и своего брата Паруйра, которые должны были установить личность изображенного на карточке человека.

Судебная палата отказала в ходатайстве о вызове свидетелей, указанных Спандаряном.

В мотивировке отказа говорилось, что палата сама может определить тождественность лица, изображенного на карточке, с личностью подсудимого. Казалось, что ответ палаты логичен и что вызов свидетелей в данном случае излишен, однако логика членов палаты не совпадала с логикой жизни. Ясное на первый взгляд оказалось темным, бесспорное — более чем спорным. Так случилось и с фотокарточкой. При внимательном ознакомлении с карточкой один из защитников узнал, что на ней изображен не Спандарян, а некто Паповян. Паповян не имел ничего общего со Спандаряном или с кем-либо из большевиков. Паповян в Тифлисе был известен как дашнак, и жандармское управление легко могло установить его личность. Но жандармскому управлению было невыгодно в точности установить, кто на самом деле изображен на карточке. Используя некоторое сходство Паповяна со Спандаряном, они бесцеремонно утверждали, что Спандарян тесно связан с нелегальной типографией через Хачатурянца. С таким утверждением согласилась судебная палата.

Необходимо отметить, что жандармы на следствии не задали и Хачатурянцу ни одного вопроса о карточке, о том, кто снят на ней и почему эта карточка находится у него. Это показывало, что жандармы сознательно не устанавливали, кто же изображен на фотографии. Они сознательно шли на мошенничество, на подмену одного лица другим. Им надо было смонтировать процесс так, чтобы создать картину тесной связи между лицом, у которого была обнаружена типография, и членом ЦК. Для этого надо было облыжно объявить карточку Паповяна карточкой Спандаряна, т. е. совершить еще один подлог!

Подлогами, мошенническим путем создавалась улика против Спандаряна. Подлогами жандармы прикрывали свои провалы в розыском деле.

Спандарян, ввиду слабости улик, мог питать надежду на оправдание, в худшем же случае ожидать признания его виновным в письменной агитации, переквалификации обвинения и перехода со статьи 102 Уголовного Уложения на статью 129 и заключения в крепость сроком примерно на 1 год.

Надежда оказалась неоправданной.

В СОВЕЩАТЕЛЬНОЙ КОМНАТЕ

По окончании прений судебная палата удалилась на совещание для вынесения приговора.

По закону совещательная комната все время до момента выхода палаты для объявления приговора объявлялась недоступной для кого бы то ни было из посторонних. Никто из лиц данного судебного присутствия, даже лица прокурорского надзора, не имел права входа в совещательную комнату. Нарушение этого правила являлось серьезнейшим нарушением процессуального права и влекло за собой отмену приговора.

Все, что говорилось в совещательной комнате, являлось тайной. О мнениях судей и сословных представителей можно было узнать из вопросного листа по письменным ответам на поставленные на разрешение два вопроса: 1) о доказанности «преступления» каждым из подсудимых в отдельности, 2) о наказании лиц, признанных виновными.

Из вопросного листа было видно, что в совещательной комнате шли прения о виновности некоторых из подсудимых, в частности — в отношении Спандаряна, Вахминой и Арменуи Оввян.

Судебная палата считала виновность подсудимых доказанной (только один из сословных представителей считал, что виновность Спандаряна, Вахминой и Арменуи Оввян не доказана) и перешла к определению меры наказания. Трое коренных судей — Ионин, Болдырев и Кулибин — стояли за присуждение Стасовой и Спандаряна к каторжным работам. Трое из сословных представителей предлагали наказание — ссылку в Сибирь. Вопрос должен был решиться голосом председательствующего — сенатора Богородского. Последний примкнул к сословным представителям и каторга отпала. Коренные судьи остались недовольными результатом такого голосования и один из них, Кулибин, подал мотивированное особое мнение, в котором он настаивал на осуждении на каторгу Стасову и Спандаряна.

Ссылка окончательно расшатала здоровье Спандаряна, и он скончался в конце 1916 г., всего несколько месяцев не дожив до победы революции, во имя которой он отдал беззаветно свою яркую жизнь.

ՍՊԱՆԴԱՐՅԱՆԻ ԴԱՏԱՎԱՐՈՒԹՅՈՒՆԸ

Թ. Պ. ԲԱԹՅԱՆԱՆ

(Մոսկվա)

(Ա մ փ ո փ ու մ)

1912 թվականին ցարական ոստիկանությունը բանտարկում է մի շարք ականավոր բողոշիկ գործիչների, նրանց թվում նաև Սուրեն Սպանդարյանին: Սպանդարյանը ձերբակալվում է Թիֆլիսից Բաբու մեկնող ղեկավարում՝ Բաբուի ոստիկանության կողմից: Հոռուտ ազդերը Բանդամանդեան պատմում է Ս. Սպանդարյանին ինչպես ձերբակալման, այնպես էլ դատավարության մասին, որպես ականաան հաղորդում է մի շարք նոր փաստեր այդ դատավարության մասին: Դեռևս ցարական դատարանի հակամողորդական բնույթը: Այդ դատավարության ժամանակ, որը տեղի էր ունենում Թիֆլիսում, 1913 թվականին, լավում էր ոչ միայն Սպանդարյանի, այլև Ստատովաի, Վախմիստովայի, Հովիվյանի, Շվեյցերի, Խաչատրյանի և Հովհաննիսյանի գործը: Դատարանի մեղով Ս. Սպանդարյանը արտոնվեց Սիրիի, որակի և նա մեղավ 1916 թվականի վերջերին: